

Международная конференция «Между соглашательством и цареубийством. Пределы польско- российского политического компромисса в эпоху Царства Польского. К годовщине коронации 1829 года»

24 мая 2019 г. в Варшаве прошла конференция «Между соглашательством и цареубийством. Пределы польско-российского политического компромисса в эпоху Царства Польского. К годовщине коронации 1829 года», организованная факультетом «свободных искусств» Варшавского университета в сотрудничестве с Центром польско-российского диалога и согласия.

Эпоха конституционного Царства (Королевства) Польского 1815–1830 гг. всегда находилась в центре внимания польских и российских историков. Основной дискуссионной проблемой является вопрос о возможностях российско-польского политического компромисса после образования в 1815 г. в составе Российской империи автономного Царства Польского. Одним из кульминационных проявлений данного компромисса стала коронация Николая I в качестве царя польского в Варшаве 12 (24) мая 1829 г. Однако уже через полтора года, 17 (29) ноября 1830 г., в Польше началось восстание за независимость, после подавления которого конституция была отменена и принят Органический статут. В польской историографии существует точка зрения, что позиции представителей польского общества, занятые накануне и во время коронации, от идеи соглашения любой ценой до планов цареубийства, как бы определили дальнейший ход событий, начиная с Ноябрьского восстания, повлияв на продолжение русско-польского конфликта и в XX в. Для российских историков рассмотрение эпохи конституционного Царства Польского прежде всего важно в контексте анализа разрабатываемых в то время проектов модернизации Российской империи: от идеи «революции сверху» вплоть до планов декабристов, а также в контексте отношений центра и окраин империи.

Конференцию открыли заведующий Лабораторией междисциплинарных исследований факультета «свободных искусств» Варшавского университета профессор *Я. Кеневич* и директор Центра польско-российского диалога и согласия *Э. Вуцишкевич*. Выступления были сгруппированы в несколько блоков, первый носил название «Политические механизмы польско-российского компромисса и конфликта в 1815–1830 гг.».

В своем докладе *М. Мыцельский* (Ин-т истории Варшавского ун-та) проанализировал формальные и неформальные механизмы управления Царством Польским, используемые Александром I и Николаем I в 1815–1830 гг. Пребывание российского императора — царя польского вдали от польской столицы вызывало необходимость назначения наместника, которому передавалась часть царских прерогатив. Кроме того, посредником между монархом и польским правительством выступал находившийся в Петербурге польский министр статс-секретарь, который наряду с официальной вел частную переписку с польским наместником и министрами, сообщая в ней о решениях царя и, в свою очередь, пытался повлиять на него в благожелательном для поляков духе. Как отмечал М. Мыцельский, неформальные механизмы управления Царством можно связать с присутствием в Варшаве российского комиссара при польском правительстве сенатора Н. Н. Новосильцева, который при Александре имел право непосредственного представления рапортов императору, и главнокомандующего польской армией — брата царя — великого князя Константина Павловича. При Николае I влияние Новосильцева и Константина на польское правительство уменьшилось за счет усиления роли министра финансов князя Ф. К. Друцкого-Любецкого.

О. С. Каишанова (ИСл РАН) сосредоточила свое внимание на донесениях великого князя Константина Павловича Николаю I в связи со следствием по делу польского Патриотического общества и его рассмотрением в сеймовом суде. Эта организация имела целью возрождение польского государства в границах 1772 г. и завязала контакты с представителями Южного

общества. В докладе было показано, что Константин, тесно связанный с Польшей в результате своего морганатического брака с графиней И. Грудзинской и отречения от прав на российский престол в 1822 г., не желал репрессий для поляков, но под давлением императора был вынужден в феврале 1826 г. назначить Следственный комитет. Полагая, что Николай I не будет удовлетворен мягким приговором, цесаревич предлагал судить обвиняемых военным судом. Однако под влиянием различных обстоятельств впоследствии было принято решение о передаче их конституционному сенатскому суду, который провел новое следствие и в 1828 г. оправдал подсудимых, считая, что они виновны не в государственной измене, а в участии в тайных обществах после запрета их деятельности. Константин советовал Николаю не утверждать приговор, называя его «пособничеством» или «ошибкой» со стороны Сената. Император разделял мнение брата, но ввиду предстоящей коронации в 1829 г. приговор все же был санкционирован.

Доклад *Х. Глембоцкого* (Ин-т истории Ягеллонского ун-та, Краков) был посвящен коронационному заговору 1829 г. В ходе коронации его участники намеревались совершить задержание Николая I. Нет точных данных о том, планировалось ли убийство императора, взятие его под стражу или простое вручение петиции сеймовой оппозицией. Это задержание должно было послужить сигналом к началу восстания за независимость. Как полагал Х. Глембоцкий, обстоятельства, приведшие к складыванию коронационного заговора, были обусловлены деятельностью трех групп: группы Т. Дзялыньского, А. Гуровского и Г. Малаховского — участников так называемого графского заговора, возникшего на волне подъема патриотических настроений в связи с деятельностью сеймового суда, союза П. Высоцкого, организованного в школе подхорунжих, и сеймовой оппозиции. Заговорщики пытались наладить контакт с британской и австрийской дипломатией. Участники заговора отказались от планов захвата Николая I из-за изменения настроений населения Варшавы под влиянием царских милостей, а также из-за неблагоприятной международной обстановки и стали надеяться на достижение политического компромисса с императором. Эта тактика явилась предзнаменованием подобных действий во время Ноябрьского восстания.

Выступление *И. В. Ружицкой* (Ин-т российской истории РАН) касалось отношения российских правящих элит к Царству Польскому до и после Ноябрьского восстания 1830 г. Как подчеркивала докладчица, перед восстанием наиболее характерно настроение российского дворянства от консервативных кругов до членов тайных обществ отражало «Мнение русского гражданина» Н. М. Карамзина. В нем известный историограф критиковал польскую политику Александра I в связи с речью императора на открытии польского сейма в марте 1818 г., в которой он намекал на возможность присоединения западных губерний империи — бывших восточных территорий Речи Посполитой — к Царству. После восстания, когда в русском обществе усилились патриотические и националистические настроения, часть его представителей выступала за отмену конституции и управление Царством Польским по образцу российских губерний. В итоге победила компромиссная точка зрения, в результате чего Царство утратило конституцию, но сохранило автономию, хотя и в урезанном виде.

Тематика второго блока — «Политические, религиозные и идеологические контексты польско-российского компромисса 1815–1830 гг.».

Доклад *А. Бараньской* (Люблинский католический ун-т) был посвящен рассмотрению польско-польских проблем Конгрегацией чрезвычайных церковных дел в 1814–1830 гг. Эта конгрегация, состоящая из влиятельнейших членов кардинальской коллегии, была создана как совещательный орган при папе по конфликтным вопросам между государственными и церковными властями. Польско-российскими проблемами конгрегация занималась довольно редко, в 1814–1830 гг. лишь 16 (4%) из общего числа всех рассмотренных ею дел касалось данных вопросов. Из-за большой удаленности, недостаточной свободы сообщения и отсутствия контактов с польскими епископами конгрегация часто затруднялась в решении польско-польских конфликтов. Как отмечала А. Бараньская, в отличие от Пия VII и Льва XII, которые питали большое доверие к Александру I, наделяя им в первое время и Николая I, конгрегация принимала в расчет не особу монарха, а его политику в отношении католической церкви и уже в 1827 г. была обеспокоена угрозой отрыва от Рима католиков в Российской империи. Ключевым вопросом кардиналы считали ведение дипломатических переговоров для урегулирования церковных проблем и создание папской нунциатуры в Петербурге или Варшаве, но эти предложения были всегда отвергаемы Николаем I.

В выступлении *П. Глуковского* (Ин-т русистики Варшавского ун-та) было проанализировано отношение российской элиты, и в первую очередь Николая I, к политике компромисса с поляками. По мнению докладчика, Николай I полностью разделял господствовавшее в русском обществе предубеждение относительно поляков, не доверял им значительных постов

при русском дворе и, по разным соображениям, хотел избежать визита в Варшаву и связанной с ним коронации. В том, что она все-таки состоялась, немалая заслуга принадлежала III Отделению и его шефу графу А. Х. Бенкендорфу, опасавшемуся в противном случае возможного брожения умов в Царстве Польском. В рапортах III Отделения подчеркивалось, что приезд императора в Варшаву и коронация позволили бы полякам лучше узнать своего монарха, победить недоверие и впоследствии стабилизировать ситуацию в Царстве Польском. III Отделение пыталось убедить царя в том, что после коронации поляки прониклись к нему той же симпатией и благодарностью, как и к его предшественнику, однако пребывание в Варшаве не помогло Николаю преодолеть свои предубеждения в отношении поляков.

М. Кулик (Ин-т истории Польской академии наук (ПАН), Варшава) обратил внимание на настроения офицеров и солдат варшавского гарнизона в 1815–1830 гг., который был довольно значительным и состоял из польских (около 9000 человек) и русских (около 6000 человек) частей. Причем в полках российской гвардии также служило немало поляков, преимущественно из западных губерний империи. Как отмечал М. Кулик, с одной стороны, настроения, господствовавшие среди офицеров и солдат, зависели от принадлежности к той или иной части гарнизона. Военнослужащие российских и польских полков по-разному оценивали друг друга, свое положение и отношения с местным обществом, всех объединял лишь страх перед главным командующим — великим князем Константином, отличавшимся вспыльчивым и капризным характером. С другой стороны, позиция военных определялась занимаемым местом в служебной иерархии. Большая часть польского генералитета и старших офицеров сохраняла лояльность Константину Павловичу, в то время как младшим офицерам не были чужды вольнодумные идеи, и из этой среды происходили члены тайных патриотических обществ. Офицеры и солдаты русской гвардии в основном ассоциировали себя с Россией, но, принимая во внимание служивший в ней значительный польский элемент, это не являлось общим правилом. После начала восстания 1830 г. поляки, породнившиеся с местным населением, были поставлены перед дилеммой: какую сторону им выбрать.

Проблемы легитимности власти в условиях конституционной монархии в Европе на примере автономного Царства Польского были затронуты в докладе *М. Яновского* (Ин-т истории ПАН). Как считал докладчик, накануне Первой мировой войны европейские монархии составляли интегральную часть современных капиталистических обществ, приобретая на протяжении XIX в. более мешанский, нежели дворянский характер. Распространению в обществе образа монарха как символа государства способствовали всеобщее образование и современные средства массовой информации, такие как иллюстрированная печать, а позднее — кино. Таким образом, накануне 1914 г. позиция монархий в Европе была гораздо более сильной, чем в эпоху Венского конгресса, когда в памяти были еще свежи воспоминания о революционных потрясениях. Эксперимент с конституционной монархией в Царстве Польском можно рассматривать в широком европейском контексте как адаптацию монархических институтов к новым условиям. Она была специфической, поскольку традиция Речи Посполитой не предусматривала персональной лояльности в отношении особы монарха. Однако в эпоху Великого герцогства Варшавского и Царства Польского такая форма лояльности сумела сложиться.

Завершающим стал третий блок под названием «Культурные, научные и литературные контексты эксперимента польско-российской конституционной монархии 1815–1830 гг.».

Доклад *Е. М. Болтуновой* (Высшая школа экономики) был посвящен поездке Николая I в 1829 г. из Петербурга в Варшаву на предстоявшую коронацию и обратно. В выступлении подчеркивалось, что наряду с традиционными составляющими императорских путешествий, такими, как смотры полков, посещения церквей, государственных учреждений, встречи с чиновниками, священнослужителями и просителями, здесь присутствовали и новые аспекты. Одним из них стало ограничение общения императора с населением по мере приближения к территории Царства Польского. Другим новшеством явился особый церемониал передачи короны на границе Царства от обер-церемониймейстера российского двора С. Потопцкого церемониймейстеру польского двора Я. К. Жабоклицкому. На обратном пути в Петербург Николай I ехал через Киев. В этом городе митрополит Евгений (Болховитинов) в заранее утвержденной речи приветствовал императора как монарха «соплеменной» державы — Польши.

Проблема легитимности власти в конституционной Царстве Польском на примере торжеств по случаю варшавской коронации Николая I была рассмотрена в выступлении *М. Гемки-Кенига* (Ин-т истории искусств Ягеллонского ун-та). По мнению докладчика, конституционная Польша в качестве «воскрешенного» государства, обращавшегося к традициям Речи Посполитой, с самого начала носила на себе печать нелегитимности. Стабильное существование Царства было под вопросом как в силу противоречий, связанных с общественными,

экономическими и политическими трансформациями, так и в результате надежд польского общества на возвращение к прежним границам Речи Посполитой, которые поляки тщетно связывали с российскими императорами и только на этом условии готовы были сохранять лояльность. Выход из создавшегося положения российские монархи видели в пропагандистских акциях, имевших целью поддержание и усиление королевского величия. Особенно интригующей в данном отношении стала коронация 1829 г., поражавшая масштабом торжеств, причем она являлась первой в истории Царства монаршей акцией, которая была рассчитана не только на элиту, но и на низшие слои населения. Тем не менее она не смогла оказать воздействия на последующие политические события.

Тема русско-польского сближения в историографическом плане была затронута в докладе *Н. М. Филатовой* (ИСл РАН). В выступлении подчеркивалось, что взгляд на историю конституционного Царства Польского как на «эпоху неволи», свойственный польским историкам-романтикам XIX в., оказал большое влияние на представление о ней исследователей последующих поколений. Современные польские историки, как правило, рассматривают сторонников пророссийской ориентации в рамках противопоставления консерватизма либерализму. Также заметна тенденция их негативной оценки вне зависимости от политических обстоятельств и исторической эпохи, исходя из тезиса о невозможности польско-российского политического компромисса. Что касается российской историографии, то на протяжении XIX в. она также развивалась под воздействием стереотипов, сложившихся после Ноябрьского восстания, трактуя его как проявление «черной неблагодарности» со стороны поляков. В настоящее время отечественные историки стараются переосмыслить эпоху конституционного Царства Польского с современных позиций. Такая попытка была предпринята историками-полонистами Института славяноведения РАН. По мнению *Н. М. Филатовой*, наиболее перспективным направлением в современной российской историографии являются исследования эпохи Александра I, которые хотя и не затрагивают польской проблематики, но дают «импульс ее новому осмыслению в русле политического романтизма и поискам путей русско-польского примирения».

Выступление *Э. Кисляк* (Ин-т литературных исследований ПАН, Варшава) было посвящено образу коронации и этическим дилеммам участников коронационного заговора в драме «Кордиан» (1834 г.) выдающегося представителя польского романтизма Ю. Словацкого. В III акте драмы, озаглавленном «Коронационный заговор», нашли отражение этические проблемы его участников — проблема вооруженного действия и одиночества заговорщиков, размышления над моральной допустимостью политического убийства. Внутренняя борьба героя происходит, с одной стороны, под влиянием убеждений о сакральности королевской власти и святости национальной истории, отвергающей цареубийство, лояльности в отношении монарха и чести, с другой — под воздействием стремления к независимости и республиканских идей. Как отмечала *Э. Кисляк*, Словацкий противопоставляет историю Польши истории России, что связывается с фундаментальными проблемами — не только смысла истории, но и сущности свободы и свободы действия. Подобные дилеммы, стоявшие перед заговорщиками, обозначены в философско-патриотической поэме другого поэта-романтика С. Гарчиньского «История Вацлава», написанной за год до «Кордиана» и часто с ним сравниваемой.

В докладе *Я. Кеневича* (Факультет «свободных искусств» Варшавского ун-та) были проанализированы взгляды известного польского писателя Т. Парницкого относительно возможностей компромисса между Польшей и Россией. Парницкий в своем романе «Могло быть именно так» (являвшемся частью историко-фантастического романа «Муза дальних странствий», 1970 г.) представил альтернативную историю Королевства Польского в случае победоносного завершения войны с Россией в 1831 г., проводя аналогии с современной ему Польской народной республикой. Рассуждая о возможности для поляков компромисса с Россией, писатель пришел к выводу, что он является ловушкой из-за цивилизационной чуждости поляков и русских. Таким образом, поляки были бы не в состоянии сохранить независимость своего государства как в случае победы, так и в случае поражения. Парницкий разделял идеи А. Дж. Тойнби и Ф. Конечного, что любой цивилизационный синтез ведет к катастрофе, в то время как цивилизационная конфронтация при условии равновесия сил может быть плодотворной. Однако, замечал *Я. Кеневич*, в качестве альтернативы компромиссу для поляков Парницкий не выдвигал никакого решения, отвергая такие пути, как война, восстание или попытка слияния с Россией для ее преобразования.

Таким образом, на конференции обсуждался широкий спектр вопросов. В выступлениях докладчиков нашли отражение проблемы политического управления Царством Польским с использованием механизмов официального и неофициального воздействия и легитимности власти в условиях конституционной монархии, контактов русского правительства

с Римом с целью урегулирования вопросов, касавшихся католицизма, отношения российского и польского общества к идее русско-польского политического компромисса и отражения этого вопроса в историографии и художественной литературе. Часть докладов была посвящена непосредственно самой коронации 1829 г. (поездке Николая I в Варшаву; коронационным торжествам, которые должны были продемонстрировать легитимность верховной власти) и коронационному заговору и их представлению в польской литературе. В конце каждого блока происходила оживленная дискуссия с участием представителей общественности. По итогам конференции планируется издать сборник статей.

© 2020 г. *О. С. Каштанова*
kashtanova-o@mail.ru

DOI: 10.31857/S0869544X0011100-3